

Десять сюрпризов войны

Эмманюэль Тодд

Национальный институт демографических исследований (INED),
Обервилье, Франция.

Ключевые слова: Россия; Украина; Запад; конфликт; национальное государство; кризис национального суверенитета; постимперия.

Статья посвящена неожиданностям, которые принесла с собой специальная военная операция России на Украине. Автор насчитывает десять таких обстоятельств: начало полномасштабной войны в Европе; фактическое столкновение России и США, несмотря на то что уже многие годы США считали своим противником Китай; ожесточенное военное сопротивление Украины, несмотря на ее состояние провалившегося государства; экономическая устойчивость России; полное подчинение стран Европейского Союза политической воле США; неожиданно активное участие Великобритании и скандинавских стран как самых главных оппонентов России в Европе; слабость американского военно-промышленного комплекса, неспособного обеспечить военные потребности Украины; идеологическое одиночество Запада, оставшегося без поддержки не только Китая, но и стран глобального Юга

и мусульманского мира. Последней неожиданностью, по мнению автора, станет грядущее поражение Запада. Оно станет следствием глубокого кризиса, в котором Запад находится. Этот кризис связан прежде всего с упадком идеи национального государства в его классическом виде. В случае США оно приняло форму постимперского государственного образования.

Таким образом, в рассматриваемом конфликте сталкиваются два менталитета. С одной стороны, стратегический реализм национальных государств, а с другой — постимперский менталитет. Ни один из менталитетов до конца не понимает другой. Россия не понимает, что Запад больше не состоит из национальных государств, а Запад стал невосприимчив к идее национального суверенитета. Однако эта асимметрия работает в пользу России, так как ее ставки в данном конфликте носят экзистенциальный характер.

24 **Ф**ЕВРАЛЯ 2022 года Владимир Путин появился на телевизионных экранах всего мира. Он объявил о вводе российских войск на территорию Украины. Его речь не была посвящена Украине или праву народа Донбасса на самоопределение. Это был вызов, брошенный НАТО. Путин объяснил, почему он не хочет, чтобы Россию, слишком долго прождавшую неизбежного нападения, застали врасплох, как в 1941 году:

Дальнейшее расширение инфраструктуры Североатлантического альянса, начавшееся военное освоение территорий Украины для нас неприемлемы¹.

Красная черта была перейдена; не могло быть и речи о том, чтобы позволить создать на Украине «анти-Россию»; Путин настаивал на том, что это вопрос самообороны.

Утверждая историческую и, так сказать, юридическую обоснованность такого решения, эта речь с жестоким реализмом раскрывала технический баланс сил, благоприятный для России. Если для России настало время действовать, то потому только, что обладание гиперзвуковыми ракетами давало ей стратегическое превосходство. Речь Путина, очень хорошо выстроенная, очень спокойная, хотя и выдававшая некоторую эмоциональность, была предельно ясной и заслуживала если не немедленных уступок, то хотя бы обсуждения. Тем не менее моментально сложилось мнение, что Путина невозможно понять, россияне же в целом либо слишком загадочны, либо слишком покорны, либо просто не в себе. После этого — что стало позором для западной демократии — любые дебаты прекратились: в двух странах, Франции и Великобритании, они прекратились полностью, в Германии и США — относительно.

Перевод с французского *Инны Кушнаревой*.

1. Путин В. В. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. 24.02.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.

Как и большинство войн, особенно мировых, эта война² пошла не по плану и уже преподнесла нам немало сюрпризов. Я насчитал десять основных.

Первый — это начало войны в Европе, настоящей войны между двумя государствами, беспрецедентное событие для континента, уверенного, что на нем установился вечный мир.

Второй заключался в том, какие противники столкнулись в этой войне: ими оказались США и Россия. Более десятка лет Америка считала Китай своим главным врагом. В Вашингтоне отношение к Китаю было враждебным независимо от партийной принадлежности и было, пожалуй, единственным пунктом, по которому республиканцы и демократы смогли договориться в последние годы. Но теперь при посредстве украинцев мы участвуем в конфронтации между Соединенными Штатами и Россией.

Третий сюрприз — военное сопротивление Украины. Все ожидали, что оно будет быстро подавлено, поскольку многие на Западе, опираясь на инфантильно-карикатурный образ демонического Путина, отказывались видеть, что Россия направила в Украину, страну с территорией 603,5 тыс. км², всего около 100–120 тыс. военнослужащих. Для сравнения: в 1968 году для вторжения в Чехословакию, страну, чья территория составляла 128 тыс. км², СССР и его союзники по Варшавскому договору направили 500 тыс. человек.

Причем больше всех этому удивились сами россияне. В их понимании, как и в понимании большинства осведомленных западных граждан (и как, что греха таить, оно и было на самом деле), Украина была тем, что технически называется *failed state*, несостоявшимся государством. С момента получения независимости в 1991 году она потеряла около 11 млн жителей из-за эмиграции и снижения рождаемости. Страной управляли олигархи, коррупция достигла запредельных масштабов, казалось, что страна и ее жители были выставлены на продажу. Накануне войны Украина стала землей обетованной для дешевого суррогатного материнства.

Конечно, Североатлантический альянс оснастил Украину противотанковыми ракетными комплексами *Javelin*, и в ее рас-

2. Имеется в виду специальная военная операция России на Украине. Здесь и далее сохранено используемое автором привычное для западного медиаполя обозначение военных действий на территории Украины, происходящих с февраля 2022 года. — *Прим. ред.*

поражении с самого начала войны были американские системы наблюдения и наведения, но ожесточенное сопротивление страны, находящейся в состоянии распада, стало историческим сюрпризом. Никто не мог предвидеть, что в войне она найдет смысл жизни, оправдание собственного существования.

Четвертым сюрпризом стала экономическая устойчивость России. Нам заявляли, что санкции, в частности отключение российских банков от системы межбанковского обмена *SWIFT*, поставят страну на колени. Но если бы некоторые пытливые умы из числа наших политиков и журналистов нашли время прочесть книгу Давида Тёртри «Россия. Возвращение могущества», вышедшую за несколько месяцев до войны, они бы избавились от этой нелепой веры в наше финансовое всемогущество³. Тёртри показывает, что русские адаптировались к санкциям 2014 года и были готовы к автономности в сфере информационных технологий и банковского дела. В этой книге перед нами предстает современная Россия, которая, будучи далека от той косной неосталинистской автократии, которую нам изо дня в день рисует пресса, способна на большую техническую, экономическую и социальную гибкость, — одним словом, противник, которого следует воспринимать всерьез.

Пятый сюрприз — крах какой бы то ни было воли у Европы. Изначально Европа представляла собой пару Франции и Германии, которая после кризиса 2007–2008 годов, по общему признанию, стала походить на патриархальную семью, в которой Германия в роли деспотического мужа больше не прислушивается к мнению своего партнера. Однако считалось, что даже в условиях немецкой гегемонии Европа сохраняет определенную независимость. Несмотря на некоторые первоначальные сомнения немецкой стороны, включая колебания канцлера Шольца, Европейский союз очень быстро отказался от желания защищать свои собственные интересы; он порвал отношения со своим энергетическим и (в более широком смысле) торговым партнером, которым была Россия, все более жестко наказывая себя.

Германия безропотно смирилась с диверсией на газопроводе «Северный поток», от которого в значительной мере зависело ее энергоснабжение, — смирилась с террористическим актом, направленным против нее в той же мере, что и против России,

3. *Teurtrie D. Russie: Le retour de la puissance*. P.: Dunod, 2021.

и совершенным ее американским «защитником» при посредстве Норвегии, страны, не являющейся членом Европейского союза. Германия даже умудрилась проигнорировать превосходное исследование этого невероятного события, проведенное Сеймуром Хёршем⁴, в котором виновником признается государство, выдающее себя за незаменимого гаранта международного порядка. Но мы также стали свидетелями того, как Франция Эммануэля Макрона исчезла с международной арены, а Польша стала главным агентом Вашингтона в Европейском союзе, сменив в этой роли Великобританию, которая из-за Брексита перестала быть его членом.

В целом на континенте ось Париж-Берлин сменилась осью Лондон-Варшава-Киев, управляемой из Вашингтона. Это исчезновение Европы как самостоятельного геополитического игрока вызывает недоумение, если вспомнить, что всего двадцать лет назад общее противодействие Германии и Франции войне в Ираке приводило к совместным пресс-конференциям канцлера Шрёдера, президента Ширака и президента Путина.

Шестой неожиданностью войны стало то, что от имени НАТО Россию активнее всего принялась обличать Великобритания. Растиражированные западной прессой заявления Министерства обороны страны сделали его одним из самых возбужденных комментаторов конфликта — в такой степени, что американские неоконны на его фоне стали выглядеть умеренными милитаристами. Великобритания первой вызвалась отправить на Украину ракеты дальнего радиуса действия и тяжелые танки.

Странным образом эта воинственность затронула Скандинавию, которая долгое время отличалась пацифистским темпераментом и была склонна скорее к нейтралитету, чем к войне. Таким образом, мы обнаруживаем *седьмой сюрприз* в Северной Европе — как и британская лихорадка, он протестантского происхождения. Норвегия и Дания — основные военные посредники США, как и Финляндия и Швеция, примкнувшие к НАТО, — проявляют новый интерес к войне, который, как мы увидим, возник еще до российского вторжения на Украину.

Восьмой сюрприз самый удивительный. Он исходит от Соединенных Штатов — ведущей военной державы. Постепенно нарастая, обеспокоенность определенного рода нашла наконец в июне

4. Hersh S. How America Took Out The Nord Stream Pipeline // Seymour Hersh. 08.02.2023. URL: <https://seymourhersh.substack.com/p/how-america-took-out-the-nord-stream>.

2023 года официальное отражение в многочисленных докладах и статьях, источником которых был Пентагон: военная промышленность США испытывает дефицит; мировая сверхдержава не в состоянии обеспечить своего украинского протезе снарядами — да и много чем еще. Это совершенно удивительное явление, если учесть, что накануне войны совокупный валовой внутренний продукт (ВВП) России и Беларуси составлял 3,3% от ВВП Запада (США, Канада, Европа, Япония, Южная Корея). Эти 3,3%, позволяющие произвести больше оружия, чем весь западный мир, ставят двойную проблему: во-первых, для украинской армии, которая проигрывает войну из-за нехватки материальных ресурсов, а во-вторых, для западной «царицы наук», политэкономии, чья, мягко говоря, фиктивная природа таким образом открылась всему миру. Концепция валового внутреннего продукта устарела, и теперь нам нужно задуматься о том, какое отношение неолиберальная политэкономия имеет к реальности.

Девятым сюрпризом стало идеологическое одиночество Запада и то, что он не подозревал о своей изоляции. Привыкнув диктовать то, каким ценностям должен следовать весь мир, Запад искренне и простодушно ожидал, что вся планета разделит их негодование по поводу России. Однако его ожидания не оправдались. Как только первоначальный шок от войны прошел, повсюду стала проявляться все более активная поддержка России. Можно было предположить, что Китай, которого американцы назначили следующим противником в своем списке, не поддержит НАТО. Отметим тем не менее, что по обе стороны Атлантики комментаторы, ослепленные своим идеологическим нарциссизмом, более года умудрялись всерьез думать о том, что Китай может не поддержать Россию. Отказ Индии от вмешательства в конфликт был еще более разочаровывающим, по-видимому, потому, что Индия — самая большая демократия в мире, и потому получается, что в лагере либеральных демократий наблюдается некоторый разброд. Запад успокаивал себя тем, что индийское вооружение в основном советского производства.

В случае Ирана, очень быстро поставившего России беспилотники, комментаторы, обычно занимающиеся сиюминутными новостями, не смогли оценить важность такого сближения. Привыкшие помещать эти две страны на одну доску — сил зла, геополитики-любители из числа журналистов и не только забыли о том, насколько этот союз неочевиден. Исторически у Ирана было два врага: Британия, которую после падения Британской империи сменили Соединенные Штаты, и... Россия. Такой поворот должен

был стать тревожным сигналом о масштабах происходящих геополитических потрясений.

Турция, член НАТО, со своей стороны, похоже, вовлекается во все более тесные отношения с Россией, в которых подлинное взаимопонимание сочетается с соперничеством в акватории Черного моря. С точки зрения Запада это можно истолковать только через общие устремления, которые должны объединять двух братьев-диктаторов. Но с тех пор как в мае 2023 года Эрдоган был переизбран демократическим путем, придерживаться этой линии стало трудно.

Фактически после полутора лет войны весь мусульманский мир, похоже, рассматривает Россию как партнера, а не как соперника. Становится все более очевидно, что Саудовская Аравия и Россия видят друг в друге экономических партнеров, а не идеологических противников, когда заходит речь о регулировании добычи нефти и цен на нее. В целом экономическая динамика войны день ото дня усиливает в развивающихся странах враждебность к Западу, поскольку они страдают от санкций.

Десятый и последний сюрприз готов вот-вот воплотиться в жизнь. Это поражение Запада. Такое заявление может показаться неожиданностью, ведь война еще не закончилась. Но это поражение неминуемо, потому что это не Россия атакует Запад, а Запад разрушает сам себя.

Посмотрим из более широкой перспективы и на мгновение отвлечемся от эмоций, которые закономерно вызывает насилие, связанное с войной. Мы живем в эпоху свершившейся глобализации — в обоих смыслах этого слова: максимальной и завершенной. Попробуем взглянуть на ситуацию с геополитической точки зрения: в действительности Россия не является главной проблемой. Слишком большая для сокращающегося населения она не способна взять под свой контроль планету, да и не стремится к этому; это обычная страна, в чьей эволюции нет ничего загадочного. Никакой российский кризис не дестабилизирует глобальное равновесие. Это кризис Запада, а точнее, терминальный американский кризис, ставит под угрозу равновесие на планете. Самые периферийные его волны захлестывают российское классическое, консервативное национальное государство.

* * *

3 марта 2022 года, спустя всего неделю после начала войны, Джон Миршаймер, профессор геополитики Чикагского университета,

представил анализ событий в видеоролике, обошедшем весь мир⁵. Его любопытным отличием было то, что он вполне соответствовал видению Владимира Путина и принимал за аксиому то, что Россия мыслит умно и понятно. Миршаймер известен в геополитике как реалист, представитель школы мысли, которая рассматривает международные отношения как сочетание эгоистических силовых отношений между национальными государствами. Его анализ можно резюмировать следующим образом: Россия много лет говорила нам, что не потерпит вступления Украины в НАТО. Но Украина, чья армия была взята под контроль военными советниками из Североатлантического альянса — американскими, британскими и польскими, — де-факто превращалась в члена НАТО. То есть русские сделали то, что обещали — вступили в войну. В конце концов, удивительнее всего само наше удивление.

Миршаймер добавил, что Россия выигрывает войну, потому что для нее Украина — экзистенциальная проблема, а для США нет; Вашингтон лишь играет ради выгоды на периферии, на удалении 8 тыс. км. Он делает вывод, что нам не следует радоваться, если русские столкнутся с военными трудностями, поскольку это неизбежно заставит их еще больше вкладываться в войну. Поскольку у одних ставки экзистенциальные, а у других нет, Россия победит.

Мы можем только восхищаться интеллектуальной и публичной смелостью Миршаймера (он американец). Однако его интерпретация, ясная и продолжающая линию размышлений, которую он высказывал в своих книгах и в связи с аннексией Крыма в 2014 году, имеет один существенный недостаток: она позволяет нам понять только поведение русских. Подобно нашим экзегетам в телевизионных студиях, которые не увидели в поведении Путина ничего, кроме убийственного безумия, Миршаймер не видит в действиях НАТО — американцев, британцев и украинцев — ничего, кроме иррациональности и безответственности. Я с ним согласен, но это еще не все. Нам еще предстоит объяснить эту западную иррациональность. Более того, Миршаймер не понял, что военные успехи Украины, как ни парадоксально, заманили Соединенные Штаты в ловушку. Перед ними теперь тоже стоит проблема выживания, выходящая далеко за рамки возможного косвенного выигрыша: это опасная ситуация, которая заставляет их все больше и больше вкладываться в войну. Мне приходит в голову аналогия с игроком в покер, которого приятель уговаривает по-

5. *Mearsheimer J., McGovern R. Putin's Invasion of Ukraine Salon* // YouTube: Committee for the Republic. 04.03.2022. URL: https://youtu.be/ppD_bhWODDc.

стоянно поднимать ставки: в итоге тот открывает карты, имея на руках пару двоек. Перед ним же сидит озадаченный собственной победой соперник.

Ниже я, собственно, буду описывать и попытаюсь понять то, что происходит на Украине, и выдвину гипотезы о том, что может произойти не только в Европе, но и во всем мире. Моя цель также состоит в том, чтобы разгадать фундаментальную загадку взаимного непонимания двух протагонистов: с одной стороны, западного лагеря, который считает Путина, а вместе с ним и Россию, сумасшедшими; с другой стороны, России или Миршаймера, которые в глубине души считают, что это Запад сошел с ума.

Путин и Миршаймер не принадлежат к одному лагерю, и им, несомненно, было бы очень трудно договориться об общих ценностях. Если же их взгляды все-таки совместимы, то потому, что они разделяют одно и то же базовое представление о том, что мир состоит из национальных государств. Эти национальные государства, обладающие монополией на легитимное насилие, обеспечивают гражданский мир в пределах своих границ. Поэтому мы можем говорить о веберовских государствах. Но вовне, поскольку они живут в среде, где имеет значение только баланс сил, эти государства ведут себя как гоббсовские субъекты⁶.

Лучше всего российскую концепцию национального государства определяет понятие суверенитета,

... рассматриваемого, — пишет Татьяна Кастуева-Жан, — как способность государства самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику, без какого-либо внешнего вмешательства или влияния⁷.

Это понятие

... приобрело особую значимость в период нескольких президентских сроков Владимира Путина... [и] упоминается в многочисленных официальных документах и выступлениях как самое ценное достояние, которым обладает страна, независимо от ее режима и политической ориентации. <...> [Это] редкое достояние, которым располагают немногие государства, прежде всего Соединенные Штаты, Китай и, собственно, Россия.

6. Макс Вебер определяет государство через его монополию на легитимное насилие; Томас Гоббс представляет естественное состояние как войну всех против всех.

7. *Kastoueva-Jean T. La souveraineté nationale dans la vision russe // Revue Défense Nationale. 2022. № 848. P. 26–31.*

При этом в сугубо официальных документах и речах с презрением говорится о «вассальной зависимости» стран Европейского союза от Вашингтона, а Украина описывается как «американский „протекторат“».

В книге «Великая делюзия», опубликованной в 2018 году, Миршаймер также размышляет в категориях национальных государств и суверенитета. Для него национальное государство — это не просто абстрактное государство или нация⁸. Да, это государство и нация, но укорененные в культуре и обладающие общими ценностями. Такое видение, по сути дела, традиционное и учитывающее антропологическую и историческую глубину мира, брошено в этой книге, если так можно выразиться, в аксиоматическом режиме.

Аксиома, или постулат, характеризуется тем, что из нее можно вывести теоремы, но сама она не может быть доказана. Однако она настолько правдоподобна, что ее можно принять как данность. Возьмем пятый постулат Евклида: через данную точку может проходить только одна прямая, параллельная данной прямой. Это недоказуемо, и постевклидова математика, вместе с Риманом и Лобачевским, исходила из другой аксиомы. Но в любом случае с точки зрения здравого смысла пятый постулат Евклида выглядит очень убедительно. Точно так же утверждение о том, что существуют национальные государства, основанные на различных культурах, — это аксиома, которая, даже если она повторяется в несколько догматической манере, как у Миршаймера, обладает высокой степенью правдоподобия. В конце концов, мир, возникший во второй половине XX века после великих волн деколонизации, состоял из государств, которые прежде всего хотели стать национальными государствами. Достаточно взглянуть на состав ООН, чтобы убедиться в этом.

Эта аксиома создает проблему: она ослепляет Миршаймера так же, как и русских; она ставит их по отношению к западным правительствам в позицию непонимания, симметричную той, в которой Запад находится по отношению к России. В своем выступлении 24 февраля 2022 года Путин назвал Америку и ее союзников империей лжи — наименование, далекое от стратегического реализма и ассоциирующееся с противником, впавшим в непонятное психическое состояние. Что касается Миршаймера, то слово «делюзия» в названии его книги более сильное, чем «иллюзия»,

8. *Mearsheimer J.J.* Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. New Haven, CT: Yale University Press, 2018.

и отсылает к психозу или неврозу. Подзаголовок книги — «Либеральные мечты и международная реальность». Американский проект «либеральной» экспансии представлен как мечта, а перед лицом этой мечты существует реальность, голосом которой выступает Миршаймер. Он обращается с неоконсерваторами, которые в конце концов возобладали в американском геополитическом истеблишменте, так же, как мы обращаемся с Путиным: он их «психиатризирует».

То, что Путин, будучи практиком международных отношений, описывает как империю лжи, но чему не дает полного определения, и то, что Миршаймер как теоретик международных отношений категорически отказывается видеть, — очень простая истина: на Западе больше не существует национального государства.

Здесь я предлагаю постевклидову интерпретацию мировой геополитики. Она не принимает как данность аксиому о существовании мира национальных государств. Напротив, используя гипотезу об их исчезновении на Западе, она позволяет объяснить поведение Запада.

* * *

Концепция национального государства предполагает, что различные слои населения на данной территории принадлежат к одной культуре независимо от того, в какой политической системе они находятся: демократической, олигархической, авторитарной или тоталитарной. Применение этой концепции также требует, чтобы данная территория обладала минимальной степенью экономической автономии; эта автономия, конечно же, не исключает торговых обменов, но эти обмены в среднесрочной или долгосрочной перспективе должны быть более или менее сбалансированными. Систематический дефицит торгового баланса делает концепцию национального государства устаревшей, поскольку данное территориальное образование может выжить, только собирая дань или получая подачки извне, не отдавая ничего взамен. Уже один этот критерий позволяет нам утверждать, что Франция, Великобритания и Соединенные Штаты, чья внешняя торговля никогда не бывает сбалансированной, а всегда имеет дефицит торгового баланса, больше не являются полноценными национальными государствами.

Нормально функционирующее национальное государство также предполагает наличие определенной классовой структуры, в центре которой находится средний класс, что означает нечто большее, чем просто хорошее взаимопонимание между правя-

щей элитой и массами. Конкретизируем и поместим социальные группы в географическое пространство. В истории человеческих обществ средний класс наряду с другими группами образует городскую сеть. Именно благодаря конкретной городской иерархии, населенной образованным и дифференцированным средним классом, может возникнуть государство, нервная система нации. Запоздалое, неравномерное и трагическое развитие городского среднего класса в Восточной Европе является главным объясняющим фактором ее истории вплоть до войны на Украине. Мы также увидим, как уничтожение среднего класса способствовало дезинтеграции американского национального государства.

Идея национального государства, которое может функционировать только благодаря сильному среднему классу, орошающему и питающему это государство, очень напоминает устойчивую политику Аристотеля. Вот как Аристотель говорит о среднем классе в своей «Политике»:

Законодатель должен при создании того или иного государственного устройства постоянно привлекать к себе средних граждан: если он будет издавать законы олигархического характера, он должен иметь в виду средних; если законы в демократическом духе, он должен приучать к ним средних. Только там, где в составе населения средние имеют перевес либо над обеими крайностями, либо над одной из них, государственный строй может рассчитывать на устойчивость; не может быть опасения, что богатые, войдя в соглашение с бедными, ополчатся на средних: никогда ни те ни другие не согласятся быть рабами друг друга; если же они будут стремиться создать такое положение, какое удовлетворило бы и тех и других, то им не найти никакого иного государственного устройства, помимо среднего. Править по очереди они не согласились бы из-за недоверия друг к другу. Между тем посредники пользуются повсюду наибольшим доверием, а посредниками и являются в данном случае люди средние⁹.

Продолжим, не претендуя на оригинальность, наш перечень понятий, артикуляция которых обеспечивает само существование национального государства. Без национального сознания по определению не может быть национального государства, но здесь мы рискуем впасть в тавтологию.

В случае с Европейским союзом преодоление нации довольно легко допустить, поскольку оно лежит в основе его замысла, даже

9. Аристотель. Политика // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 511.

если он принял иную форму, чем предполагалось. Любопытно притязание европейских элит на то, чтобы одновременно и преодолеть нацию, и сохранить ее. В случае США никакого официального преодоления нации не планировалось. Однако, как мы увидим, американская система, хотя ей удалось подчинить себе Европу, самопроизвольно заболела той же болезнью, что и Европа: исчезновением национальной культуры, которая бы объединяла массы и правящий класс. Постепенное разрушение культуры белых англосаксонских протестантов (*White Anglo-Saxon Protestants, WASP*) начиная с 1960-х годов привело к образованию империи, лишенной центра и проекта, по сути дела, военного организма, возглавляемого группой, не имеющей культуры (в антропологическом смысле), единственными фундаментальными ценностями которой являются власть и насилие. Эту группу принято называть неоконами. Это довольно узкая группа, но она действует в рамках атомизированного, анонимного высшего класса и обладает огромным потенциалом для нанесения геополитического и исторического ущерба.

Социальная эволюция в западных странах привела к сложным отношениям элиты с реальностью. Но мы не можем довольствоваться тем, чтобы просто классифицировать постнациональные действия как безумные или непонятные; у этих явлений есть своя логика. Это другой мир, новое ментальное пространство, которое мы должны определить, изучить и понять.

Давайте вернемся к Миршаймеру и его знаменательному видео от 3 марта 2022 года. В нем, как я уже сказал, он предсказал неизбежную победу русских, потому что для них украинский вопрос является экзистенциальным, тогда как для Соединенных Штатов нет. Но если отказаться от идеи, что Соединенные Штаты — это национальное государство, и признать, что американская система стала чем-то совсем другим, что американский уровень жизни зависит от импорта, который больше не покрывается экспортом; что в Америке больше нет национального правящего класса в традиционном понимании; что у нее больше нет даже четко очерченной основной культуры, но все еще есть гигантская государственная и военная машина — можно помыслить и другие проблемы, помимо отступления национального государства, которое после ухода из Вьетнама, Ирака и Афганистана смирится и с очередным поражением на Украине.

Не следует ли рассматривать Соединенные Штаты как имперское, а не как национальное государство? Многие так делают. Сами русские охотно этим занимались. То, что они называют

коллективным Западом, где европейцы — лишь вассалы, похоже на плюралистическую имперскую систему. Но использование понятия *империи* требует соблюдения определенных критериев: должны быть господствующий центр и подчиненная ему периферия. Предполагается, что центр обладает общей элитарной культурой и разумной интеллектуальной жизнью. Как мы увидим, в Соединенных Штатах этого уже нет.

Может быть, *поздняя империя*? Провести параллель между Соединенными Штатами и античным Римом очень соблазнительно. В книге «После империи» я отметил, что Рим, установив контроль над всем Средиземноморским бассейном и устроив своего рода первую *глобализацию*, также уничтожил свой средний класс¹⁰. Крупные поставки пшеницы, ремесленных товаров и рабов в Италию привели к уничтожению крестьянства и ремесленников примерно так же, как наплыв дешевых китайских товаров нанес удар по американскому рабочему классу. В обоих случаях, если немного сгустить краски, можно говорить о том, что возникло общество, поляризованное между экономически бесполезным плебсом и хищнической плутократией. Путь к долговому декадансу был проложен и, несмотря на несколько поворотов, неизбежен.

Термин «поздняя империя» тем не менее неудовлетворителен из-за того, что есть множество новых факторов: существование интернета, (беспрецедентная) скорость перемен и наличие вокруг США гигантских национальных государств — России и Китая (у Римской империи не было соседей, сопоставимых с ней по силе, кроме далекой Персии, Римская империя была практически одинока в своем мире). И, наконец, фундаментальное отличие: в поздней Римской империи было учреждено христианство. Тогда как к важнейшим характеристикам нашей эпохи относится полное исчезновение христианского субстрата — важнейший исторический феномен, который как раз и объясняет распад американского правящего класса. Мы еще вернемся к этому: протестантизм, во многом обеспечивший экономическую мощь Запада, мертв. Явление это столь же масштабное, сколь и невидимое, даже головокружительное; если вдуматься, мы поймем, что оно является одним из ключей, если не решающим объяснительным ключом, к нынешней глобальной турбулентности.

10. *Todd E. Après l'empire. Essai sur la décomposition du système américain.* P.: Gallimard, 2002; см. переиздание 2004 года в серии *Folio actuel* с ранее не опубликованным послесловием автора.

Возвращаясь к нашей попытке классификации, я склонен говорить о Соединенных Штатах и зависимых от них территориях как о *постимперском* государстве: хотя Америка сохранила военную машину империи, в ее сердце больше нет интеллектуальной культуры, поэтому на практике она потворствует непродуманным и противоречивым действиям, таким как дипломатическая и военная экспансия в период массового сокращения ее промышленной базы, если учесть, что современная война без промышленно-сти — это оксюморон.

Я наблюдаю за развитием событий в Соединенных Штатах с 2002 года, когда вышла книга «После империи». В то время я надеялся, что они вернуться к форме гигантского национального государства, каким были в своей позитивной имперской фазе 1945–1990 годов в период противостояния СССР. Сегодня, утверждая, что протестантизм мертв, я вынужден признать, что это возрождение невозможно, что, по сути, лишь подтверждает достаточно общий исторический феномен: необратимость большинства фундаментальных процессов. Этот принцип применим к нескольким важнейшим областям: к последовательности «национальный — имперский — постимперский этап»; к отмиранию религии, которое в конечном итоге привело к исчезновению общественной морали и коллективных чувств; к процессу центробежной географической экспансии в сочетании с распадом первоначального ядра системы. Рост смертности в Америке, особенно во внутренних республиканских, или «трампистских», штатах, в тот момент, когда сотни миллиардов долларов утекают в Киев, — характерный признак этого процесса.

В книгах «Окончательное падение» (1976) и «После империи», в которых я рассуждал о грядущих системных коллапсах, я использовал рационализирующие репрезентации человеческой истории и деятельности государств¹¹. Например, в «После империи» я толковал дипломатическую и военную ажитацию Соединенных Штатов как «театральный микромилитаризм», позицию, призванную разумной ценой создать впечатление, что Америка остается незаменимой для мира после распада Советского Союза. В сущности, я приписывал США цели рациональной державы в терминах классической геополитики: уровень жизни, сила доллара, механизмы эксплуатации, объективное соотношение военных сил, то есть предполагаю внешне более или менее рациональный уни-

11. *Idem*. La Chute finale. Essai sur la décomposition de la sphère soviétique. P.: Robert Laffont, 1990 (1976).

версум. Подробно рассматривая вопрос об американском уровне жизни и риске, которому он подвергнется в случае системного коллапса, я отказываюсь от исключительной гипотезы о разумной рациональности и предлагаю более широкое видение геополитики и истории, в которое лучше встраиваются сугубо иррациональные моменты, имеющиеся в человеке, в частности его духовные потребности.

Внимания заслуживает также религиозная матрица обществ; ответы, при помощи которых человек пытался разгадать свою судьбу и свою природу, с которой ему так трудно смириться; страдания, которые может вызвать окончательный распад христианской религиозной матрицы на Западе, в особенности ее протестантского варианта. Не все последствия этих процессов носят негативный характер, мы далеки от радикального пессимизма. Но мы видим рождение нигилизма, который нас чрезвычайно занимает. То, что я называю нулевым религиозным состоянием, в некоторых, самых худших, случаях приводит к обожествлению пустоты.

Слово «нигилизм» я употребляю не в самом распространенном значении, которое (и это неслучайно) больше напоминает о русском нигилизме XIX века. Именно на почве нигилизма сошлись Америка и Украина, даже если динамика, породившая эти виды нигилизма, была разной. Нигилизм, как я его понимаю, имеет два фундаментальных измерения. Прежде всего бросается в глаза его физическое измерение: призыв к уничтожению вещей и людей, порой очень полезное понятие при изучении войны. Второе измерение — концептуальное, но не менее существенное, особенно когда мы задумываемся о судьбе обществ, об обратимом или необратимом характере их упадка: в этом случае нигилизм означает непреодолимую тягу к уничтожению самого понятия истины, исключению любого разумного описания мира. В каком-то смысле это второе измерение согласуется с наиболее распространенным пониманием этого слова, определяющим нигилизм как аморализм, проистекающий из отсутствия ценностей. Будучи по темпераменту ученым, я испытываю затруднения с различением двух пар, которые составляют добро и зло, истину и ложь; на мой взгляд, эти концептуальные пары смешиваются.

* * *

Таким образом, наблюдается столкновение двух ментальностей: с одной стороны, стратегический реализм национальных государств, а с другой — постимперство, эманация распадающейся

империи. Ни та ни другая не отражает реальность в полной мере, поскольку первая не смогла понять, что Запад больше не состоит из национальных государств, что он стал чем-то другим; а вторая перестала воспринимать идею национального суверенитета. Но их понимание реальности не равнозначно, и эта асимметрия играет в пользу России.

Как показал Адам Фергюсон, представитель шотландского Просвещения, в своих «Опытах по истории гражданского общества» (1767), группы людей существуют не сами по себе, а всегда в связи с другими равноценными человеческими группами. На самом крошечном и отдаленном острове, пишет Фергюсон, если он хотя бы чуть-чуть обитаем, всегда найдутся две группы людей, противостоящие друг другу. Плюрализм социальных систем является частью самой человеческой природы, и эти системы организуются в противостоянии друг с другом. Фергюсон писал:

Понятия «сограждане», «земляки», не будучи противопоставлены понятиям «чужаки», «иноземцы»... вышли бы из употребления и утратили всякий смысл. Отдельных людей мы любим за их личные качества; страну же нашу мы любим, так как она составляющая часть человечества¹².

Возникновение Франции и Англии — прекрасная иллюстрация к этому тезису. В Средние века эти два государственных образования должны были самоопределяться друг относительно друга. Затем для нас, французов, замещающим противником стала Германия, которая также, хотя об этом забывают, оказалась главным соперником Англии накануне войны 1914 года.

Один из ключевых тезисов Фергюсона заключается в том, что мораль внутри общества связана с его аморальностью вовне. Именно враждебность к другой группе порождает солидарность с собственной.

Без соперничества наций и военных упражнений гражданское общество едва ли оформилось бы, обрело цель существования. <...> тщетно было бы надеяться, что мы сможем внести в народные массы чувство единения, не подтвердив враждебности к оппонентам. Если бы мы могли взять и истребить в какой-либо нации чувство неприязни к иностранцам, тем самым мы, вероятно,

12. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000. С. 57–58.

разорвали или ослабили бы сплывающие ее внутренние узы и вычеркнули бы из национальной истории самые бурные массовые сцены и излияния чувств¹³.

Нынешняя западная система стремится репрезентировать всю полноту мира и больше не признает существования другого. Но урок Фергюсона заключается в том, что, если мы больше не признаем существование легитимного другого, мы перестанем существовать сами. Сила России же заключается в ее способности мыслить в категориях суверенитета и равноценности наций: принимая во внимание существование враждебных сил, она может обеспечивать свою социальную сплоченность.

Библиография

- Аристотель. Политика // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4.
- Путин В. В. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. 24.02.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.
- Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000.
- Hersh S. How America Took Out The Nord Stream Pipeline // Seymour Hersh. 08.02.2023. URL: <https://seymourhersh.substack.com/p/how-america-took-out-the-nord-stream>.
- Kastoueva-Jean T. La souveraineté nationale dans la vision russe // Revue Défense Nationale. 2022. № 848. P. 26–31.
- Mearsheimer J. J. Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. New Haven, CT: Yale University Press, 2018.
- Mearsheimer J., McGovern R. Putin's Invasion of Ukraine Salon // YouTube: Committee for the Republic. 04.03.2022. URL: https://youtu.be/ppD_bhWODDc.
- Teurtre D. Russie: Le retour de la puissance. P.: Dunod, 2021.
- Todd E. Après l'empire. Essai sur la décomposition du système américain. P.: Gallimard, 2002.
- Todd E. La Chute finale. Essai sur la décomposition de la sphère soviétique. P.: Robert Laffont, 1990 (1976).
- Todd E., Touverey B. La défaite de l'occident. P.: Gallimard, 2024.

13. Там же. С. 61–62.

EMMANUEL TODD. French Institute for Demographic Studies (INED), Aubervilliers, France.

Keywords: Russia; Ukraine; the West; conflict; nation-state; crisis of national sovereignty; post-empire.

This article is dedicated to the surprises that Russia's Special Military Operation in Ukraine brought with it. The author counts ten such circumstances: the beginning of a full-scale war in Europe; the actual clash between Russia and the United States, despite the fact that for many years the United States considered China its enemy; fierce military resistance of Ukraine, despite its state of a failed state; Russia's economic stability; the complete submission of the European Union countries to the political will of the United States; the unexpectedly active involvement of Great Britain and the Scandinavian countries as Russia's major opponents in Europe; the weakness of the American military-industrial complex, unable to meet the military needs of Ukraine; the ideological loneliness of the West, whom not only China, but also the countries of the global South and the Muslim world refused to unconditionally support. The last surprise, according to the author, will be the impending defeat of the West. It will be a consequence of the its deep ongoing crisis. This crisis is primarily caused by the decline of the idea of the nation state in its classical form. In the case of the United States, it took the form of a post-imperial state formation.

Thus, two mentalities collide in this conflict. On the one hand, the strategic realism of nation state, and on the other, the post-imperial mentality. Neither mentality fully understands the other. Russia does not understand that the West no longer consists of nation states, and the West has become immune to the idea of national sovereignty. However, this asymmetry works in Russia's favor, since its stakes in this conflict are existential.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-1-18

References

- Aristotle *Politika* [Politics]. *Sobranie sochinenii: V 4 tomakh* [Collected works: In 4 volumes], Moscow, Mysl', 1984, vol. 4.
- Ferguson A. *Opyt istorii grazhdanskogo obshchestva* [An Essay on the History of Civil Society], Moscow, ROSSPEN, 2000.
- Hersh S. How America Took Out The Nord Stream Pipeline. *Seymour Hersh*, February 08, 2023. 08.02.2023. Available at: <https://seymourhersh.substack.com/p/how-america-took-out-the-nord-stream>.
- Kastoueva-Jean T. La souveraineté nationale dans la vision russe. *Revue Défense Nationale*, 2022, no. 848, pp. 26–31.
- Mearsheimer J. J. *Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*, New Haven, CT, Yale University Press, 2018.
- Mearsheimer J., McGovern R. Putin's Invasion of Ukraine Salon. *YouTube: Committee for the Republic*, March 04, 2022. Available at: https://youtu.be/ppD_bhWODDc.
- Putin V. V. Obrashchenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii [Address by the President of the Russian Federation]. *Prezident Rossii* [President of Russia], February 24, 2022. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.

- Teurtrie D. *Russie: Le retour de la puissance*, Paris, Dunod, 2021.
- Todd E. *Après l'empire. Essai sur la décomposition du système américain*, Paris, Gallimard, 2002.
- Todd E. *La Chute finale. Essai sur la décomposition de la sphère soviétique*, Paris, Robert Laffont, 1990 (1976).
- Todd E., Touverey B. *La défaite de l'occident*, Paris, Gallimard, 2024.